

АНАЛИЗ И РАССМОТРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЭТИЧЕСКИХ, ЭПИЧЕСКИХ, ГЕРОИЧЕСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРЕВЕДЕННЫХ В X-XIV ВЕКАХ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10359906>

К.ф.н. Мутабар ШАРИПОВА,

доцент ГОУ “Худжандский государственный университет им.акад. Б.Гафурова”,
Ходжанд, Таджикистан. Тел.: +992927821445; Email: mutabar-1977@mail.ru

Аннотация. В персидско-таджикской литературе перевод как одна из форм взаимовлияния литератур разных народов имеет давнюю историю. Именно благодаря переводу огромная часть литературного и научного наследия доисламского Ирана после арабских завоеваний была переведена на арабский язык, затем с арабского на персидско-таджикский и стала неотъемлемой частью персидско-таджикской культуры и литературы исламского периода.

Ключевые слова: перевод, литературно-этические сочинения, метод, приемы, художественные переводы, притч, афоризмы.

Annotatsiya. Fors-tojik adabiyotida tarjima turli xalqlar adabiyotining o‘zaro ta’sir ko‘rsatish shakllaridan biri sifatida uzoq tarixga ega. Arab istilolaridan so‘ng islomgacha bo‘lgan Eron adabiy va ilmiy merosining katta qismi arab tiliga, so‘ngra arab tilidan fors-tojik tiliga tarjima qilinib, fors-tojik madaniyati va adabiyotining ajralmas qismiga aylangani tarjima tufayli edi. islom davri.

Tayanch so‘zlar: tarjima, adabiy-axloqiy asarlar, usul, uslublar, badiiy tarjimalar, masallar, aforizmlar.

Abstract. In Persian-Tajik literature, translation as one of the forms of mutual influence of literatures of different peoples has a long history. It was thanks to translation that a huge part of the literary and scientific heritage of pre-Islamic Iran after the Arab conquests was translated into Arabic, then from Arabic into Persian-Tajik and became an integral part of the Persian-Tajik culture and literature of the Islamic period.

Keywords: translation, literary and ethical works, method, techniques, literary translations, parables, aphorisms.

История цивилизации свидетельствует, что каждая литература, не ограничиваясь рамками своей литературно-культурной среды, на пути своего развития постоянно вступала во взаимодействие с литературами других народов. В этом процессе всякая национальная литература и культура на всех этапах своего формирования и развития, наравне с использованием внутренних

традиций, устанавливала взаимосвязи с литературой других народов и перенимала их литературные и идейно-эстетические ценности и традиции.

В персидско-таджикской литературе перевод как один из видов взаимодействия с другими литературами, в особенности, с индийской, греческой и арабской, имеет давнюю историю, и ее образцы сохранились с периода Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов в форме глиняных расписок и наскальных надписей в горах Бесутун, Тахти Джамшид, Накши Рустам и др. Переводы «Авесты», «Калилы и Димны», «Тысяча и одной ночи» и других религиозно-литературных произведений на пехлевийский, а затем и на арабский язык также свидетельствуют о раннем возникновении движения и процесса перевода в древнем Иране.

Переводы литературно-этических сочинений, таких как «Калила и Димна», «Синдбаднаме», «ал-Фарадж ба'д-аш-шиддат», «Рабе'-ул-аброр», «Латоиф-ул-амсол», «Муджмал-ул-аквол фи хиками-л-амсол», «Нафоис-ул-фунун», «Джовидон хирад», «ал-Адаб ал-ваджиз ли-л-валад-ас-сагир» с целью определения методов и приемов перевода, выявляется литературно-историческая ценность, сходство, различия и преимущества этих произведений с точки зрения текстологии, также анализируются их лингвостилистические особенности.

Перевод нравственно-этических произведений, прежде всего, подразумеваются переводы, относящиеся к персидско-таджикской литературе, в том числе, переводы художественных нравственно-дидактических произведений, книг наставлений, притч и афоризмов.

Глубокий интерес, проявленный в эпоху Саманидов к персидско-таджикскому языку, если с одной стороны, стал причиной процветания персидской поэзии и прозы, то с другой – создал условия для возникновения новых литературных течений, формирования и развития наук того времени. Покровительством и поддержкой Саманидов не была обделена и переводческая школа. В результате этого, с одной стороны, были написаны многочисленные книги на языке дари, а с другой - огромная часть наследия, переведенного с пехлевийского на арабский в первые столетия ислама, была переведена с арабского на персидско-таджикский в качестве лучших достижений исламского мышления VIII-IX веков.

Во многих источниках в качестве популярнейшего образца персидско-таджикской художественной прозы упоминается персидский перевод «Калилы и Димны». Первым и наиболее ранним источником, в котором упоминается персидский перевод «Калилы и Димны», является «Мукаддима» «Шахнаме» Абумансура Мухаммада ибн Абдурраззака, написанная в 958 году. Книга была

написана по приказу военачальника Хорасана Абумансура Мухаммада ибн Абдурраззака со стороны Абумансура Муаммари при участии ряда ученых [9,98].

Другой, не сохранившийся персидский перевод «Калилы и Димны», по поручению Насра ибн Ахмада был осуществлен Бал'ами по тексту прозаического перевода Ибн Мукаффа'. Подобно тому, как в эпоху Аббасидов «Калила и Димна» на основе прозаического перевода была передана Абаном Лахики в форме стихов на арабском, также и в эпоху Саманидов, после ее персидского перевода в прозе, в 932 году Абуабдуллах Рудаки по приказу и просьбе своего высокопоставленного покровителя Абульфазла Бал'ами сложил ее в стихотворной форме.

Русский востоковед Л.И. Брагинская, исследуя это месневи, определяет ее бейты и сопоставляет их с арабским «Калила и Димна» в прозе, в переводе И.Ю. Крачковского. Этот исследователь устанавливает причастность 92 бейтов к месневи «Калила и Димна» и на основе сопоставления определяет, что они относятся к разделам «Барзуяи табиб» (Лекарь Барзуя), «Шер ва гов» (Лев и бык), «Бозчустии кори Димна» (Поиск выхода для Димны), «Бум ва зог» (Филин и ворон), «Бузина ва боха» (Обезьяна и палка). В книге Са'ида Нафиси, посвященной биографии и творчеству Рудаки, количество оставшихся бейтов в одном месте указывается 88, в другом – 102.

В 1897 году известный немецкий востоковед Пауль Хорн впервые в своем предисловии к изданию «Лугати Фурс» Асади Туси утверждает о 129 бейтах этой поэмы, также определяет отнесенность 30 бейтов «Калилы и Димны» к «Калиле и Димне» Абульмаоли Насруллаха [15,67].

К числу сохранившихся переводов нравственно-этических произведений относится «ал-Фарадж ба'д аш-шиддат» Абуали Танухи. Содержание этого произведения составляют поучительные исторические, дидактические рассказы, заветы и мудрые высказывания.

Авторами исторических источников книги «Унвон-ул-хикмат», «ал-Мустаждод фи фа'лот ил-адждод», «Нишвор-ул-мухозара (ва ахбор-ул-музокара)» также пречисляются к сочинениям Абуали Танухи [21,III,279].

Книга «ал-Фарадж ба'д аш-шиддат» Танухи за 40-50 лет была переведена с арабского на персидско-таджикский язык со стороны двух арабских историков и литераторов. В первый раз, в 1223 году перевод этого произведения осуществляет автор двух известных книг «Лубаб-ул-албаб» и «Джавоме'-ул-хикоёт» Мухаммад Авфи Бухараи. Во второй раз, Хусайн ибн Ас'ад Муайяд Дехистани также переводит данное произведение с арабского на персидский язык под названием «Фарадж ба'д аш-шиддат».

Перевод Хусайна ибн Ас'ада Муайяда Дехистани сохранился до наших дней в систематизированном и полном объеме и считается одним из ценных образцов прозы XIII века.

Арабский текст «Фарадж ба'д аш-шиддат» состоит из 14 глав и 492 хикаятов, перевод Дехистани охватывает 13 глав и 240 хикаятов. Разница в количестве глав и рассказов показывает, что переводчик, в процессе работы широко используя метод талхиса - краткого изложения, не перевел почти половину хикаятов. Также, четвертая глава арабского текста, охватывающая лишь избранные стихотворения, имеющие отношения к задаче «Фарадж ба'д аш-шиддат», осталась вне перевода Дехистани.

С целью выявления особенностей и сходств, присущих переводу, проведено сопоставительный анализ отдельных глав арабского текста с переводом Дехистани. В том числе, определяется, что четвертая глава перевода Дехистани состоит из 12 хикаятов, а в арабском тексте, т.е. в трактате Танухи изложены 38 хикаятов. Выясняется, что 17 рассказов остались вне поля зрения переводчика. Порядок нумерации хикаятов в переводе Хусайна Дехистани начинается с «первого хикаята», а в тексте оригинала – со 113 хикаята.

Первый рассказ перевода Дехистани «Халифа Ма'мун ва Амр ибни Мас'ада» соответствует 113 хикаяту арабского текста, и в нем используется метод передачи смысла. Кроме того, переводчик с высоким мастерством использует в переводе прямую речь и метод точного перевода, что можно проследить в следующем отрывке:

و قال: أنا عائذ بالله من سخط أمير المؤمنين، و أنا أقلّ من أن يشكوني إلى أحد، أو يسرّ عليّ ضغنا يظهر منه بكلامه ما ظهر. فقال له المأمون: و ما ذاك؟ فأخبره بما بلغه. [25,I,312]

«И сказал: Пусть хранит меня Бог от гнева амиралму'минина и я считаю себя ниже того, чтобы оставить обиду в сердце амиралму'минина и осадок в его памяти, и он сказал что-то недоброе. Ма'мун сказал: Что это за весть, которая сделала тебя беспокойным и повергла тебя в смятение?» [24,186].

Также, Дехистани в конце хикаята добавляет бейты, не существующие в арабском тексте:

*Аз хисоле, ки дар киром бувад,
Ҳеч беҳтар зи ростгӯй нест.
В-аз фаъоле, ки бо лиом бувад,
Бадтар аз кизбу дурӯй нест.
Чун шиори ту ростгӯй гаши,
Дар ду гетӣ чуз он чи гӯй нест [24,189].*

Среди свойств, достойных уважения,

*Нет более лучшего, чем правдивость.
 Из тех деяний, что следует отбросить,
 Нет ничего хуже лжи и обмана.
 Когда в твоих правилах правдивость,
 В двух мирах нет ничего, кроме того, что ты говоришь.*

(подстрочный перевод)

По мнению Исмаила Хокими, большинство присоединенных стихотворений в переводе, принадлежат перу самого Дехистани и к сожалению, переводчик во многих случаях не указывает имя их автора [24,16].

Результаты сопоставления арабского текста с персидским переводом свидетельствуют, что Дехистани отдает предпочтение дословному методу перевода, и в большинстве случаев, используя метод пересказывания смысла текста, украшает перевод длинными фразами, рифмованной прозой, аятами, многочисленными арабскими выражениями и стихотворениями. Назвать перевод Дехистани полностью дословным или смысловым, на наш взгляд, было бы не совсем правильно, ибо переводчик в большинстве случаев, в частности, в начале глав переводит текст слово в слово, а при изложении хикаятов переходит к методу передачи смысла текста. Отсюда выясняется, что Дехистани смешивает методы точного перевода и передачи смысла, что с позиций современной теории перевода этот вид относится к семантическому переводу.

Свидетельством этих замечаний может послужить и тот факт, что большинство исследователей шахнаме датой завершения «Шахнаме» Фирдауси указывают 1011 год. Бундари же начинает перевод в 1220 году и заканчивает его после двух лет [8,99]. Выясняется, что Бундари после 211 лет с даты завершения «Шахнаме» Фирдауси, переводит этот шедевр на арабский язык. Здесь следует отметить, что так как перевод «Шахнаме» осуществлялся по приказу султана Абубакра ибн Абуайюба, и безусловно, Бундари преподнес шаху одну копию, которой было минимум 50-60 лет. Исходя из этого, наиболее ранний список «Шахнаме» Фирдауси, переписанный в 1217 году, после списка Бундари считается древнейшим экземпляром «Шахнаме». Несомненно, список, использованный Бундари, до сохранился до наших дней, однако текст перевода сам сообщает о том, что является другим ранним списком. Это явление наблюдается, например, в следующем бейте:

*Чу аз хоб бедор шуд ними шаб,
 Яке льоми май льусту букшод лаб [28,VIII,321].*

Как только проснулся в полночь,

Сразу поискал чашу вина и раскрыл свои губы.

(подстрочный перевод)

Конструкция «ними шаб» (полночь) в некоторых копиях приводится как «тирашаб», а в некоторых «ними шаб». Для выявления правильного варианта обратимся к наиболее раннему переводу «Шахнаме», т.е. к «Шахнаме» Бундари, где указывается *فلما انتصف الليل*. Таким образом, из перевода выясняется, что правильный вариант - «ними шаб». В тексте перевода наблюдается множество таких различий, что свидетельствует о важности перевода Бундари при корректировке текста «Шахнаме» Фирдауси.

Сам Бундари датой завершения текста, имеющегося в его распоряжении, указывает 384/994 г. («في مدة ثلاثين سنة اخرها سنة اربع و ثمانين و ثلثمئه...»), «на протяжении тридцати лет, конец которого 384/994 г.» [8,276]. Забехулла Сафо в «Истории литературы Ирана» также придерживается мнения, что перевод Бундари был осуществлен по списку, завершённому в 384/994 г., и во многих случаях считает этот перевод достоверным [23,II,458].

Взаимосвязь и общность арабской и персидской поэзии данной эпохи можно в определенной мере исследовать на основе двух видов источников. Первый источник – это совокупность диванов поэтов иранского происхождения или поэтов, проживающих на территории Ирана, созданных на арабском языке. Вторым источником являются три ценных и значимых произведения: «Ятимат-уд-дахр» Саолиби, «Думят-ул-каسر» Бохарзи и краткое содержание «Харидат-ул-каسر» Имодуддина Исфагани. Если бы эти произведения не дошли до наших дней, то не осталось бы представляющих интерес сведений о состоянии культуры и литературы того времени. Исследование переводов поэтических сочинений с арабского на персидский и наоборот показывает, что арабский язык был распространен на всей территории Ирана – начиная от Мавераннахра до границ Синда (Пакистана), большинство эмиров и правителей владели арабскими и всегда были готовы поддержать поэтов, сочиняющих стихотворения на этом языке.

В IX-X веках перевод арабской поэзии не был столь распространенным, однако в последующие века в персидской литературе развивается перевод стихотворений методом свободного перевода и пересказа арабских или же исламско-арабских поэм. Отсюда, некоторые поэты излагали арабскую поэзию в форме персидских стихов, которые в результате были признаны одной из частей персидской поэзии. Так, к примеру, «Лейли и Меджнун» Низами больше не считается описанием любви двух молодых арабов, а одним из шедевров мировой литературы.

В диванах арабских и двуязычных поэтов прослеживаются многочисленные стихотворения, в процессе прочтения которых читатель начинает предполагать, что это переводы с персидского. Однако в данном случае, можно говорить не о переводе, а лишь об заимствовании поэтами мотивов и образов стихотворений друг друга, ибо процесс проникновения афоризмов и мудрых высказываний, являясь одним из путей взаимовлияния, начался в период формирования и развития языков. Несмотря на это, мы здесь рассматриваем некоторые упоминаемые в исторических источниках стихотворения, которые переведены на арабский язык, чьи авторы и персидские подлинники известны.

К числу таких стихотворений относятся сочинения Мантики Рази – талантливого и известного двуязычного придворного поэта династии Буидов. По словам Авфи, когда Бадеуззаман Хамадани в 990 году приходит на службу к Сахибу ибн Аббаду, ему было 12 лет и он проявлял высокое мастерство в сочинении арабских стихов и обладал «огромным талантом». Поэтому, «... когда тот пришел на службу к Сахибу, ему сказали: Сложи стихворение! Он ответил: Испытай! И прочли ему три следующих бейта Мантики и сказали: Переведи на арабский. Он сказал: Изволь, с какой рифмой. Сказал: «То». Спросил: Определи размер. Сказал: Исра' или Бади'у фи-л-бахри-с-сари'! Не задумываясь сказал:

سرقْتُ من طَرَّتِهِ شَعْرَةً	حين غدا يمشطها
ثم تَدَلَّحْتُ بِهَا مُتَقَلًّا	بِالْمَشَاطِ
قال أبي: مَنْ وُلِدَى مِنْكُمْ	تَدَلَّحَ النَّمْلُ بِحَبِّ الْجِنَاطِ
	كَلَا كَمَا يَدْخُلُ سَمُّ الْخِيَاطِ

Эти бейты были переводами следующих строк Мантики Рази:

*Як мӯй бидуздидам, аз ду зулфат,
 Чун зулф задӣ, эй санам ба шона.
 Чунонаш ба сахтӣ ҳамае кашидам,
 Чун мӯр, ки гандум кашад ба хона.
 Бо мӯй ба хона шудам, надар гуфт,
 Мансур кадом аст, аз ин дугона [1,II,17].*

*Украл я два волоса из локонов твоих,
 Когда ты расчесывала их, о красавица,
 Трудно было мне украсть их, подобно тому,
 Как муравей тащит зерно пшеницы в свой дом.
 Пришел я с ними в дом, отец сказал мне,*

Который из этих двух является прозой.

(Подстрочный перевод)

Авфи, рассказывая эту историю, с одной стороны указывает на высокое переводческое мастерство и способность Бадеуззамана к восприятию стихов, а с другой стороны – сообщает об интересе Сахиба к персидским стихотворениям Мантики Рази. Также, проникновение многочисленных арабских высказываний и пословиц в «Макамат» Бадеуззамана Хамадани посредством перевода является еще одним доказательством его переводческого таланта.

На примере стихотворений Абулфатха Бусты, Мунджика Тирмизи, Абульхасана Огоджи и с опорой на «Ятимат-ул-дахр» Саолиби, «Лубоб-ул-албоб» Авфи, «Харидат-ул-каср» Имадуддина Исфагани, «Рахат-ус-судур» Раванди, «Тарджумон-ул-балого» Радуяни и т.п. рассматривается процесс перевода поэтических сочинений с арабского на персидский и с персидского на арабский язык.

Таким образом, на втором этапе переводческого движения персидско-таджикский язык приобрел статус официального языка и наравне с этим, в персидско-таджикской литературе получает все большее развитие процесс перевода с арабского на персидско-таджикский язык и наоборот.

Именно благодаря переводу огромная часть литературного и научного наследия доисламского Ирана после арабских завоеваний была переведена на арабский язык, затем с арабского на персидско-таджикский и стала неотъемлемой частью персидско-таджикской культуры и литературы исламского периода. В этом смысле, переводческое движение, выступая в качестве связующего звена, посредством арабоязычной литературы первых веков ислама соединяет доисламскую литературу иранских народов с персидско-таджикской литературой эпохи Саманидов и последующих периодов.

Переводческое движение VIII-XIV веков в качестве важнейшего фактора взаимоотношений и взаимовлияний, а также культурно-литературного диалога между арабской и персидско-таджикской литературами, способствовало их обогащению и развитию.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES):

- [1] – Ауфи, Мухаммад ибн Мухаммад. Квинтэссенция сердец. Под ред. Эдуарда Брауна. Предисл. Мухаммад Казвини, прим. Саид Нафиси. - Тегеран: Хирмис, 1389. – 1082 с.
- [2] – ал-Андалуси, Абулькасым Соид ибн Ахмад. Перевод характеристики сословий имамов (история наук). Ред. и перев. на персидский язык Гулямриза Джамшеднажд аввал. - Тегеран, 1383. - 358с.

- [3] – Байхаки, Абулфазл Мухаммад ибн Хусайн. История Байхаки. Сост.: доктор Гани и доктор Файяз. – Тегеран: Издательство Ходжу, 1370. – С.123.
- [4] – Бахрами, Мухаммад. Теоретики перевода / Коранические исследования. - Тегеран, лето 1394г.х. - С.224-232.
- [5] – Беруни, Абурайхан. Сохранившиеся следы. Под ред.: Мухаммада Равшана. - Тегеран: Суруш, 1370. – 638 с.
- [6] – Джамили, Рашид. Перевод на востоке исламского мира. Перевод Садыка Оинаванд. - Тегеран, 1385. - 185с.
- [7] – Захидов Н. Арабоязычная литература персидско-таджикской литературы в VIII-IXвв. - Худжанд: Нури маърифат, 2004. - 402с.
- [8] – Захидов Н., Хамрабаев Н. Перевоческое движение в эпоху Саманидов / Энциклопедия Саманидов. Т.2. – Худжанд: Нури маърифат, 2009. - С.66-73.
- [9] – Камрузи, Бадри. Каталог литературно-суфийских книг фонда книг и рукописей Дворца Гулистан. – Тегеран: Суруш, 1374. – 824 с.
- [10] – Насриддин, Абдуманнон. Рудакӣ (разночтения, критика и рассмотрение сохранившихся произведений). - Худжанд: Рахим Джалил, 1999. - 392 с.

